

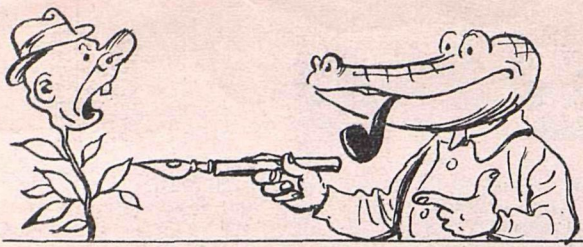
К Р О К О Д И Л

Рис. К. ЕЛИСЕВА

КАБИНЕТНАЯ ФЛОРА

— Из-за этих комнатных растений, профессор, вам не видно мичуринского сада.

ИЗВОЛЯТ ОБИЖАТЬСЯ

Есть оригинальное растение, известное в ботанике под названием «Не тронь меня», или «Недотрога жёлтая». Оно принадлежит к так называемому семейству бальзаминовых, растёт в тенистых, сырых местах и обладает очень интересным свойством: при малейшем прикосновении зрелые плоды его скручиваются и с силой разбрасывают во все стороны семена.

Нечто подобное встречается иногда не только в растительном царстве. Иной ответственный товарищ — по виду мужественный, энергичный здоровяк — обнаруживает подчас такую невероятную чувствительность, как будто он тоже принадлежит к семейству бальзаминовых. Даже от единого слова критики, прошедшего рядом с ним, его цветущее лицо начинает болезненно морщиться. Попробуйте же представить себе, что может стрястись, если к нему или к его присным и подведомственным прикоснётся перо газетного фельетониста!

Такой именно случай и произошёл недавно в Армении.

Корреспондент республиканской газеты «Совет Эрманистаны» Мирзоев обнаружил большие неполадки в одном колхозе Калининского района. Местный руководящий деятель тов. Цагикян, прочитав заметку, болезненно сморщился:

— Ездят тут всякие! Вынюживают!.. Того и гляди, ещё какой-нибудь сюрприз поднесут!

Предчувствие не обмануло его. Корреспондентское перо покачалось из стороны в сторону и уставилось своим остриём прямо на родного младшего братца тов. Цагикяна. Братец, хотя он ещё и не вышел из школьного возраста, пользовался широкой известностью в районе. Он регулярно устраивал громкие хулиганские дебоши, безнаказанно оскорблял учителей и дополнительно развлекался тем, что среди бела дня ловил колхозных гусей и свёртывал им шеи.

Тов. Цагикян смотрел на всё это сквозь пальцы: дескать, братец — мой, район — мой, дело семейное. Но когда до сведения республиканской газеты, тов. Цагикян ужасно рассердился.

— Я ему покажу, этому бездельнику! — сказал он. — Пусть он мне теперь на глаза не показывается! На порог его больше не пускать!

У крыльца послышался шум какой-то свалки.

— Ну, что там ещё такое? — недовольно спросил тов. Цагикян.

— Там ваш братец сторожа дубасит, хочет к вам пройти. Вы же приказали его не пускать?

— Ох, ну при чём тут мой брат? — простонал со страдальческим видом тов. Цагикян. — Я сказал, чтоб этого щелкопёра... чтоб корреспондента больше не пускать сюда. Он ведь ещё крутится на нашей территории?

— Крутится, — тяжело вздохнули подначальные.

— Ну, так вот! Смотрите у меня!

Приказ был в точности исполнен. На другой день корреспондента не пустили даже на собрание актива, где с участием председателей колхозов обсуждался вопрос об уборке нового урожая.

И мужественное лицо тов. Цагикяна дышало глубоким, страстным чувством удовлетворённой жажды мщения.

...На данном факте мы рассмотрели пример ещё не полной, ограниченной реакции на прикосновение к организму, обладающему повышенной чувствительностью. Бывают и другие примеры, когда такой организм реагирует на внешнее раздражение значительно резче и агрессивнее...

В Усть-Джегутинском районе, на Ставропольщине, издаётся районная газета «Народное слово». Разоблачительные материалы и особенно фельетоны, которые она время от времени печатает, обладают большой действенностью: прочитав в газете очередной фельетон о каком-нибудь прохвосте, секретарь райкома тов. Жигалкин подпрыгивает, как ужаленный, за своим столом.

— Они меня травмируют! — восклицает он. — Они меня терзают! Они на мой район пятно кладут!

— Кто «они»? — участливо спросит кто-нибудь из непосвящённых. — Жулики!

— Да нет, эти фельетоны, — досадливо машет рукой тов. Жигалкин.

И в одних случаях он старается пропускать сигналы газеты мимо ушей, а в других...

Два месяца назад в газете «Народное слово» был помещён фельетон о похождениях нотариуса Назарьева — морально разложившегося типа. На другой же день редактор вызвал к себе фельетониста П. Товстолеса и сказал ему:

— Ну, вот, брат, и результаты: постановлено — снять с работы и отдать под суд.

— Правильно, — сказал фельетонист. — Так ему, подлецу, и надо.

— Да нет, обожди, — сказал редактор. — Кому «ему»? Это тебя решили снять с работы и отдать под суд. Будто бы за клевету... Ну, конечно, тов. Жигалкин санкционировал.

И пришлось бы фельетонисту хлебнуть горя, если б не вмешался в дело Ставропольский краевой комитет ВКП(б). Вопрос, как говорится, сразу же встал с головы на ноги, и по решению бюро того же райкома, где секретарём тов. Жигалкин, прохвост Назарьев был снят с работы и исключён из партии.

Через короткое время районная газета разоблачила тёмные дела, которые творил в колхозе имени Чкалова его председатель Лагутенко.

— Ну, вот, дружок, и выводы уже воспоследовали, — сказал в тот же вечер неугомонному Товстолесу ответственный редактор. — Снять с работы и под суд.

— Та-а-ак! — удовлетворённо сказал фельетонист. — Туда ему и... Как?! Это опять меня? Бюро райкома постановило?!

Редактор молча кивнул головой.

* * *

В интересах истины мы должны дать небольшую заключительную справку. Как уже показано выше, чересчур чувствительные товарищи, похожие на нежное растение «Не тронь меня», проявляют свою повышенную нервность не вообще, а в отдельных, конкретных случаях. В остальное же время они уравновешенны, бодры и зачастую так умирительно говорят о пользе самокритики, что просто заслушаешься.

М. ЛЬВОВ

ДЕНАЦИФИКАЦИЯ ПО АНГЛО-АМЕРИКАНСКИ

Рис. Бор. ЕФИМОВА

Бор. Ефимов-48.

— Форму мы ему выдадим другую, а по содержанию он нам вполне подходит.

Рис. Л. БРОДАТЫ

— Этот чёрный ни в чём не виноват. Объявим его «красным» — и осудим.

О ТЯЖЕЛОВЕСАХ
ИЗ КОНГРЕССА

Конгрессмен — это сенатор или член палаты представителей в США.

Средний вес конгрессмена — шесть пудов, что ровно на один пуд превышает средний вес рядового американца.

Это установил американский журналист Уиллер, изучающий жизнь, быт и нравы конгрессменов.

Уиллер поведал миру, что конгрессмен

Вендр из Огайо любит петь гимны, а Чепмен из Кентукки любит стряпать.

Что именно любит стряпать мистер Чепмен, Уиллер не сообщает, но в Америке знают, что конгрессмены любят стряпать законы; знают в Америке и то, что когда тяжеловесные конгрессмены начинают стряпать законы, средний вес рядового американца заметно убывает.

КАРЬЕРА БАНДИТА
ДЖУЛИАНО

Вероятно, не все наши читатели знают о непревзойдённых успехах синьора Джулиано в США.

Карьера его началась в Бруклине, где он в рекордный срок блестяще овладел профессией гангстера. После этого он отправился в Италию и обосновался на острове Сицилия.

Обосновался и призадумался над тем, как

быть дальше, чтобы не лишиться своей квалификации.

И придумал:

— Надо включиться в «план Маршалла»!

Сказано — сделано!

И послал Джулиано заявление американскому консулу в Палермо.

Дескать, хочу активно бороться против коммунизма. Дайте мне оружие и деньги для создания в Сицилии американской армии. Дескать, с помощью такой армии и спасу остров от коммунистической опасности.

По сообщению телеграфного агентства «АДН», Джулиано не ограничился заявлением консулу и отправил ещё два письма в Вашингтон.

Результаты переписки пока неизвестны.

Но Джулиано уверен в успехе. Поборники «плана Маршалла» будут довольны: в лице гангстера Джулиано они получили авторитетную поддержку!

ДЕЛО БЫЛО В ОТТАВЕ...

У дона Родригоса, аргентинского посла в Канаде, случилось ужасное несчастье: после непродолжительной, но тяжкой болезни безвременно скончались две породистые комнатные собаки.

Горе благородной семьи не поддавалось описанию. В посольстве был объявлен трёхдневный траур, и приспущенный аргентинский флаг над крышей молчаливо оповещал всех о невозвратимой утрате, постигшей сей дом.

Четвероногих покойников хоронили по первому разряду. По улицам Оттавы медленно двигался пышный катафалк. Качались чёрные султаны на головах лошадей, громкозвучно рыдала медь оркестра. И полисмены на перекрёстках останавливали уличное движение, почтительно пропуская похоронный собачий кортеж.

Аргентинский посол с супругой шли за катафалком с окаменевшими от горя лицами.

— Как стойко переносит дон Родригос неиспытанное ему небом испытание! — шептались следовавшие за ним сотрудники посольства.

И оттавские газеты в этот день пестрели траурными объявлениями, в которых осиротевшей семье дона Родригоса выражались чувства глубокого соболезнования.

Прошло немало времени с печального дня похорон. Жизнь шла своим чередом. Но безвре-

менная кончина посольских собачек не ждано не гадано послужила поводом для громкого дипломатического скандала.

На один из официальных приёмов в аргентинском посольстве был приглашён генеральный консул Доминиканской республики г-н Рикарт. Вообще говоря, посол далёкой знойной Аргентины глубоко презирал г-на Рикарта.

— У меня в жилах течёт кровь испанского гидальго! — говорил дон Родригос. — А кто такой этот Рикарт? Представитель какой-то ничтожной негритянской республики!

Но, так или иначе, доминиканский консул всё же был приглашён на приём. Тут-то и разыгрался этот скандал в благородном семействе.

Как именно случилось, что г-н Рикарт остался в неведении относительно горя, постигшего дом аргентинского посла, — доподлинно неизвестно. Во всяком случае, это было так и повлекло за собой самые тяжёлые последствия.

Войдя в зал, где происходил приём, доминиканский консул направился к дону Родригосу и его супруге, галантно приветствовал их и затем с непринуждённой улыбкой светского человека спросил хозяйку дома:

— Да, кстати, дорогая сеньора, а как пожи-
вают ваши очаровательные цуцки?

— Цуц... О санта Марья! — воскликнула супруга посла, заламывая руки. — Родригос, этот ужасный человек смеет осведомляться о здоровье наших дорогих покойниц!

— Каррамба! — прорычал дон Родригос. — Вы позволяете себе издеваться над горем благородной семьи, сеньор! Требую сатисфакции! На дуэль! Я вам покажу, сеньор, где ваши доминиканские фраки зимуют!

Гости в смутении покидали дом посла. Приём был сорван.

На другой же день в местных дипломатических кругах были предприняты самые энергичные меры, чтобы ликвидировать неприятный инцидент. Завязалась оживлённая переписка между канадскими властями, Аргентиной и Доминиканской республикой. Но, оскорблённый в своих лучших чувствах, дон Родригос был непреклонен.

— Секундантов мне! — закричал он. — К барьеру! Я из этого консулишки пыль сделаю!

Чем кончится «оттавский инцидент», всё ещё не известно. Говорят, что дон Родригос с каждым днём всё сильнее и сильнее распаляется и теперь уже, отказавшись от дуэли на шпагах, желает стреляться со своим «обидчиком» по меньшей мере на противотанковых ружьях.

А тем временем четвероногие покойницы спят вечным сном в украшенной цветами могиле и понятия не имеют, какая из-за них завязалась каша в международном масштабе.

Лев ФИЛИППОВ

Рис. Л. БРОДАТЫ.

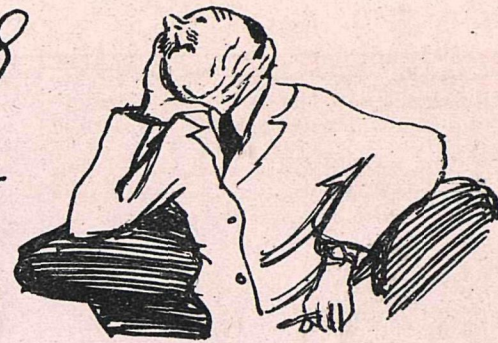
ЖАЛОБЫ МАРШАЛИЗОВАННЫХ

— Это нечестно, неблагородно и непорядочно, мистер! Мы продаём вам нашу горячо любимую родину, а вы нам платите чорт знает чем!..

Сложная проблема

ДИРЕКТОР объединения «Ковёр» Павел Петрович Розанский и бухгалтер Кошуев сидят в директорском кабинете и совещаются. Совещаются они больше часа, накурили до того, что дышать нечем, в висках ломота, в голове гудение, а решения нет как нет.

Дело в том, что через два дня должна открыться выставка ковров. К открытию выставки всё готово. Помещение есть, пригласительные билеты — в три краски, с золотым обрезом — напечатаны, в газеты дана информация, а проблему охраны впопыхах забыли разрешить.

В смету охрана не включена, а смету уже повсюду утвердили. Ковров на выставку привезено на миллион с лишним рублей. Пока они лежат в конторе, в отдельной комнате под замком: тут и узбекские созанэ, сказочно яркие, как хвост жар-птицы, или сумрачно спокойные, как осенний закат, и благородные текинские ковры, и кавказские, и персидские — всякие. Без охраны нельзя. Как же быть?

— Обождите, Семён Аркадьевич! — нервно говорит полный, представительный Розанский. — Неужели нельзя просто взять и нанять сторожей?..

— Нельзя, Павел Петрович! — кротко вздыхает седенький деликатный Кошуев. — Поскольку в смете не предусмотрено, нельзя. Как я их оплачу, сторожей? Ведь безлюдный фонд уже того... приказал долго жить!..

— Тогда собак возьмите из питомника!

— Собак тоже нельзя, Павел Петрович.

— Разве собаки — безлюдный?

— Ну а как же! Собака — сами подумайте. Уж такой безлюдный — дальше некуда!..

— Но ведь мы не собакам персонально будем деньги платить, а питомнику?!

— Всё равно безлюдный! — снова вздыхает Кошуев.

Розанский сердится:

— Давайте тогда смету пересматривать. Тоже нельзя?

— Можно, Павел Петрович. Почему нельзя?.. Можно!.. Попро-сим — дадут!.. Но... нагорит нам с вами за то, что во-время не оформили. И крепенько нагорит. Финансовая дисциплина!.. Хотите, — я напишу...

— Легче всего самим спину подставить: нате, стегайте!.. Надо что-то другое придумать... Думайте!..

Некоторое время они сидят молча, курят. Лицо у Кошуева несчастное. Розанский вытирает потный лоб платком и смотрит на потолок, но он бел и пуст, как безлюдный фонд.

— Остаётся одно, — хрипло говорит Розанский, — присобачить этих самых собак к какой-нибудь другой статье расходов за счёт экономии.

— Нельзя, Павел Петрович, — ревизоры замучают... И потом опасно! Сторожевая собака — это ведь не жучка подзаборная! Это — породистое животное. У неё нервы, воображение! Ей не понравится какой-нибудь ваш гобелен, — она кинется и порвёт. А нам с вами отвечать!

— Ну, хорошо! — желчно говорит Розанский. — Пёс с ними, с собаками. Какой же выход?! Вы можете сидеть ночью на выставке и караулить ковры?!

— Конечно, не могу! — обижается Кошуев. — У меня жена больная, вы же знаете, Павел Петрович!..

— Я тоже не могу. И так каждый будет отказываться: у одного — больная жена, другой — сам болен, у третьего — маленькие дети, у четвертого — чорт в ступе!..

— Через местком придётся действовать, Павел Петрович, — значительно подняв палец, заявляет Кошуев. — Самойлова надо взять за жабры. Пусть срочно выпустит стенгазету по этому вопросу. А то он только критиковать горазд администрацию, а как помочь ей в разрешении сложных проблем, — так он в кусты!

Розанский и Кошуев снова начинают совещаться. Они спорят, волнуются, мозолят мозги и курят, курят, курят.

Но вот в кабинет легко впархивает Ниночка — секретарша Розанского, восемнадцатилетнее создание в очках, придающих её хорошему личику ужасно строгий, деловой вид.

Она молча кладёт на стол директора лист бумаги. Розанский смотрит на Ниночку осовелыми, воспалёнными глазами:

— Что это вы мне положили?

— Список сотрудников, — загадочно говорит Ниночка.

— Каких сотрудников? Зачем сотрудников?

— Я обошла сотрудников и попросила расписаться тех, кто согласен охранять выставку. Очень многие согласились, Павел Петрович!

Директор объединения «Ковёр» смотрит на своего бухгалтера. Тот вытаскивает платок, закрывает лицо и принимается натужно кашлять.

Входит тётя Даша — уборщица объединения «Ковёр», — опрятная старуха в платке и чёрном служебном хааате. В руках у неё поднос с двумя стаканами чая. Она ставит поднос на письменный стол и смотрит на замученного директора жалостливо. Розанский шарит глазами по ниночкиному списку, находит в нём фамилию тёти Даши и весело говорит:

— Значит, согласны посторожить нашу выставку, товарищ Никитина?

— Согласна, батюшка, — кротко отвечает тётя Даша. — У меня всё равно бессонница. Что мне дома не спать, что на выставке не спать — одна музыка!

— Спасибо, товарищ Никитина! — говорит Розанский смущённо. — Только ведь я не знаю, как в смысле оплаты! Безлюдный фонд у нас...

— Ладно уж, свои люди — сочтёмся! — машет на него рукой старуха. — Дело-то ведь не безлюдное, а народное!.. Я видала ковры — красота небесная!.. Всей нашей конторе не оправдаться, если хоть один пропадёт или испортится!.. Вы бы хоть форточку открыли — мне не залезть. Надумали, как на пожаре!..

Она крутит носом, морщится и уходит. Следом за ней выходит довольная, гордая Ниночка.

— Вот и вся наша «сложная проблема», Семён Аркадьевич! — наставительно говорит Розанский бухгалтеру. — Внутренние резервы у нас под носом, а мы мучаемся, дбы расшибаем!..

Бухгалтер, кряхтя, лезет на подоконник, открывает форточку, чтобы выпустить сизый, густой табачный чад. Потом, спрыгнув, он подходит к столу директора, берёт список сотрудников, вписывает в него свою фамилию и ставит аккуратную чёткую подпись.

— Придётся и мне одну ночь посидеть, — вздохнув, говорит он директору, — а то неудобно будет перед сотрудниками.

— Я вас навещу, — смеётся Розанский, — чтобы вам скучно не было! И знаете что — всё-таки напишите куда надо... Нагорит, так нагорит!.. А люди из-за нас с вами не должны по ночам де-журить.

Через открытую форточку в прокуренный кабинет льётся свежий, прохладный августовский ветерок.

— Потеснись немного, приятель,—дай место на прилавке и москвичу.

Вл. МАСС и Мих. ЧЕРВИНСКИЙ

Первый класс

Мы сидели дома.
Вдруг
Настежь дверь,
и входит друг.

Всё лицо его светилось.
Он смеялся,
он сиял.

Мы спросили:
— Что случилось?
Он нам вот что рассказал:

— У меня сынишка Гришка,
Он парнишка, как парнишка.
Я отвёл его сейчас
В первый класс.

Представляете, для Гришки
Это ж праздник, и какой!
У него тетради,
книжки,
Свой пенал
портфельчик свой!

Дома — сборы и волнение,
Словом, светопреставленьё!
Он всю ночь боялся спать, —
Как бы вдруг не опоздать!

Я иду, шучу, хотя
Сам волнуюсь, как дитя.

Представляете, ребята,
Шутка, что ли,—
Сам учился я когда-то
В этой школе!
Это было аккурат
Двадцать лет тому назад.
А со мной учились в школе,
Помню всех наперечёт,
Вася,
Петя,
Юра,
Коля...
Замечательный народ!

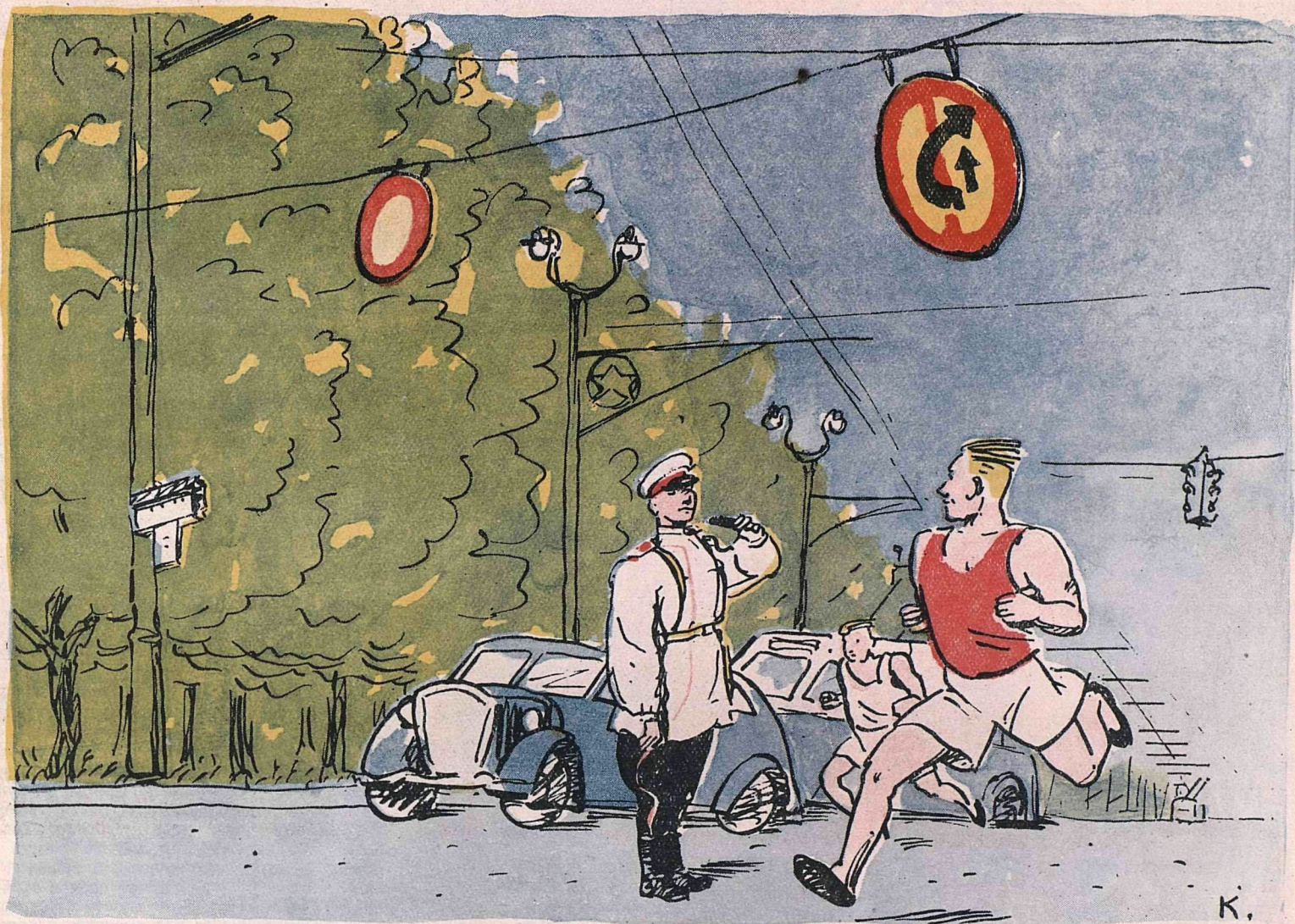
Мы тогда, чтоб сесть за книжки,
Собрались со всех концов
Вот такие, вроде Гришки,
Девятнадцать сорванцов.

Мчались дни, летели годы.
Рос народ стальной породы...
И сегодня снова, вот,
Наступил учебный год.

Прихожу я, значит, в школу.
Гришка бледен, хоть и рад.
Малыши — народ весёлый,
Ну, а тут — сидят, молчат.

НА ЛЕНИНГРАДСКОМ ШОССЕ В ДЕНЬ МАРАФОНСКОГО БЕГА

Рис. А. КАНЕВСКОГО

— Гражданин в майке, сбавьте скорость, — вы нарушаете правила
автомобильного движения!

Смущены, видать, ребята,
Ну, точь-вточь, как я когда-то.
Перетрусили слегка,
С нетерпением ждут звонка.

Рядом с ними — их папаши.
Посмотрел и вижу я:
Это ж все ребята наши,
Это ж все мои друзья!
Вася,
Петя,
Юра,
Коля.
Вместе с ними в этой школе
Я учился — и сейчас
Снова встретил весь свой класс.

Мы друг друга не видали
Много лет...
Прошла война...
На груди у всех медали,
Что медали!
Ордена!

Вася — токарь,
Юра — лётчик,
Миша — врач,
Максим — артист,
Афанасий — переводчик.
Коля — знатный машинист.

Всё течёт на белом свете,
И... попробуй всё учесть!
Я гляжу: у Васи — Петя,
А у Юры Ваня есть.

Словом, все ребята наши —
Не ребята, а папаши,
И уже не сорванцы,
А солидные отцы.

Пожимаю руку Васе:
— Снова, Вася, в первом классе!
— Шурка! Друг!.. Какой судьбой?
Да ведь мы... ведь я с тобой
По одной учились карте,
На одной сидели парте...
Помнишь?..

— Да, была пора!
— Вот история какая!
А теперь сюда сына я
Своего привёл — Петра!

Это все тут наши дети:
Коли,
Васи,
Вани,
Петя... —

Все сюда пришли сейчас
В первый раз.
— Молодцы!

Огонь-ребята!
— Да, совсем как мы когда-то!
— А пройдёт десяток лет,
Я состарюсь,

стану сед,
А вот эти дети наши,
Все вот эти сорванцы,
Выйдут в люди и в папаши,
Будут так же, как отцы:
Миша — лётчик-испытатель,
Коля — врач,
Семён — связист,
Ваня — химик,
Клим — писатель,
Николай — экономист.

Потому народ у нас —
Первый класс!

Вот и всё, что приключилось!

Наш приятель замолчал,
Но лицо его светилось,
Он попрежнему сиял.

КОГО ЭТО КАСАЕТСЯ

На людной улице, на виду у всех, стоял и разрушался пятиэтажный дом. Этому, по мере своих сил, активно содействовал жилец, занимавший квартиру на верхнем этаже. Он усердно колот у себя дрова и систематически, по рассеянности, не закрывал кран в ванной комнате.

Жильцы четвертого этажа напрасно взывали к его сознательности:

— Безобразие! Что вы делаете? Дом-то ведь наш, общий!

— Правильно! Я такой же хозяин, как и вы, не учите меня жить, — обиженно отвечал он.

Когда же в доме прохудилась крыша, жилец пятого этажа стал докучать управдому:

— Безобразие! Куда вы смотрите? Дом разрушается!

На что управдом с эпическим спокойствием замечал:

— У нас есть хозяин — жилищное управление. Пусть оно даст команду и спустит смету. Наше дело маленькое. Наружный, косметиче-

ский ремонт произвели? Произвели! Значит, всё в порядке!

Жилуправление, со своей стороны, не отрицало, что оно является хозяином жилого фонда.

— Но с другой стороны, — оговаривались его уважаемые деятели, — над нами есть хозяин — исполком.

Так продолжалось до тех пор, пока в исполком после выборов не пришел новый, рачительный хозяин, которому было дело до всего: и до того, что на пятом этаже большого дома колют дрова, и до того, что прохудилась крыша. Он заставил почувствовать себя настоящими хозяевами и работников жилуправления и жильцов.

... В Джалал-Абаде, на междугородней телефонной станции, сидит дежурная телефонистка. На этом маленьком островке Министрства связи она единственный и полномочный представитель почтенного ведомства. Но спросите её: «Когда будет на линии

город Фрунзе?» — и она сделает вид, что не замечает вашего присутствия и даже не удостоит вас ответом. Только после угрозы пожаловаться начальству она слегка оживится и проедит сквозь зубы:

— Связь нарушена...

— Тогда почему не чинят?

— А мне какое дело!

Клиенты сами стали доискиваться, чье же это дело — восстановить связь с городом Фрунзе. Вызванный с нарочным техник Буряченко пришел на станцию, взял телефонные трубки, лениво подул в них и спокойно ушел:

— Это — не моё дело! Вызовите Мотузкина.

Разыскали Мотузкина.

— Это меня не касается, — сказал он, — вызовите Селиванова!

Поздно вечером связь с городом Фрунзе была восстановлена. Но в кабине, куда направили для переговоров посетителя, не оказалось телефонного аппарата. Во второй кабине было темно, как в пещере. Телефонистка безучастно выслушала жалобы и пожаловалась:

— Это меня не касается.

Связь с городом Фрунзе «восстановили» так, что ни единого слова не было слышно, но с абонента всё-таки взяли 11 рублей 40 копеек.

— За что? Ведь разговор не состоялся!

— Это меня не касается...

«Не моё дело»... Этот привычный припев равнодушных можно услышать и в кабинете директора судоремонтного завода тов. Козыря, который никак не удосужится забрать со станции железной дороги металлоконструкции. Кстати, завод уже уплатил дороге за хранение этого громоздкого груза 166 тысяч рублей. Но тов. Козыря это мало трогает. Тов. Козырь и другие, подобные ему, придерживаются своего железного правила: «Моя хата с краю» — и чувствуют себя в этой хате, как в неприступной крепости. Потревожьте их — и вас оглушит негодующий возглас: «А вам какое дело?»

У весовщика станции Симферополь тов. Чибисова круг обязанностей весьма ограниченный: взвесить поступившие грузы и оформить документы. С точки зрения тов. Козыря, весовщику положено невозмутимо созерцать, как на товарной станции лежат и портятся 100 тонн соли Ялтинского торга, 40 станков управления трудовых резервов и автомобильные части конторы сельхозснаба.

Но вот, подите ж! Беспokoйный Чибисов волнуется, стучится в областные организации, пишет в газету:

— Пропадает государственное добро!

А те, кто персонально отвечает за это имущество, остаются равнодушными: их, видите ли, сие не касается. Когда же станешь допытываться: «Как так не касается?», — они оскорбленно возмущаются:

— А вы чего суётесь?

Инженер Царькова, работая в украинском комбинате «Промстройдеталь», попыталась разоблачить во всех деталях, как там укрывали бракоделов и оформляли фиктивные наряды. Настоящий хозяин комбината, которому дорого порученное ему дело, сказал бы Царьковой:

— Большое спасибо, что помогли!

Но директор «Промстройдетали» Мацко отблагодарил Царькову по-своему, особым приказом: он предложил ей уволиться «за несрабатанностью» и на досуге поразмыслить:

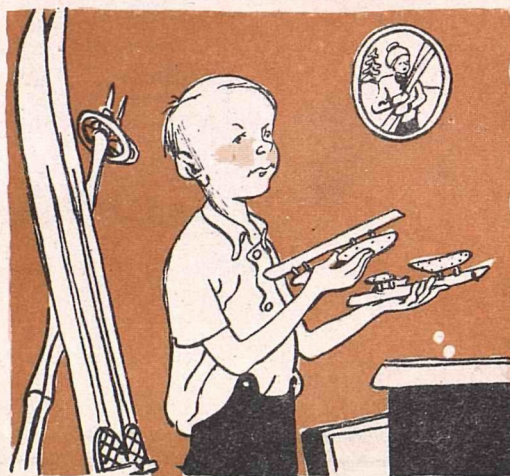
— Стоит ли вмешиваться в дело, которое тебя по должности не касается?

По нашему разумению, стоит! Вот почему мы и касаемся в этих строках вопроса о тех, которые на сей раз, пожалуй, уже не скажут, что это их не касается.

Е. ВЕСЕНИН

ПОДГОТОВКА К ЗИМЕ

Рис. Ю. ГАНФА

Ваня уже приобрёл коньки.

Ванина мама уже наварила на зиму варенья.

Бабушка уже довязывает пятую пару тёплых варежек.

И только глава семьи, он же глава предприятия, к зиме совсем не готовится. Впрочем, он не одинок. Не готовятся к зиме и главный инженер Коркинского ремонтного завода Шолохов, и начальник отдела капитального строительства Днепродзержинского завода имени «Правды» Шепильский, и управляющий Нижнетагильским гортопом Винокуров, и многие другие.

ОСОБЫЙ ОТДЕЛ

КТО ИЗОБРЕЛ РАДИО?

— Как кто? — спросит читатель. — Стыдно не знать А. С. Попова!

А вот сотруднику газеты «Киевская правда» ничуть не стыдно, и он, с ведома редактора тов. Маркевича, изобрёл нового изобретателя радио.

В пятьдесят третью годовщину со дня изобретения радио газета напечатала заметку о том, что честь этого открытия принадлежит... русскому учёному Павлову.

Великому русскому физиологу Павлову едва ли чудилось, что он имеет какое-либо отношение к беспроводному телеграфу. Что ж, наберёмся терпения и посмотрим, чем порадует нас «Киевская правда» в пятьдесят четвёртую годовщину со дня изобретения радио.

СКОЛЬКО ЛЕТ НОВИКОВУ?

И сейчас еще находятся граждане, которые скрывают свой возраст. Не будем допытываться о причинах и оставим этот грешок на их совести.

Но одного человека нам хотелось бы всё-таки разоблачить. Для этого мы воспользуемся услугами воронежской газеты «Коммуна». Недавно газета сообщила, что известный в нашей стране лётчик Новиков налетал три миллиона часов.

Возьмите в руки карандаш — и вы поразитесь: выходит, что лётчик Новиков только в воздухе пробыл свыше 340 лет. Спрашивается: сколько лет он, между прочим, провёл на земле? Ответ можно получить у очеркиста газеты «Коммуна» тов. М. Аметистова.

ЧТО ТАКОЕ «ХОРОШО» И ЧТО ТАКОЕ «ПЛОХО»

То, что «Тюменская правда» посвятила открытию цирка большую рецензию, — это очень хорошо. Но то, что в этой рецензии не всё ладно с грамматикой и языком, — это плохо.

То, что рецензент Евг. Лучинецкий поднял на щит сатирический жанр в цирке, — это очень хорошо. Но то, что, выражаясь языком рецензента, «артист Е. исполняет сатирические песенки», — это очень плохо с точки зрения элементарной грамотности.

То, что Лучинецкий заслуженно хвалит отдельных исполнителей, — это очень хорошо. Но то, что в рецензии на протяжении нескольких десятков строк мы читаем: «Хорошо, что Гулиев отказался от маски...», «Политическая сатира в устах коверного — это очень хорошо...», «Хороши эквилибристы...», «Хорош танец...», «С хорошей политической сатирой выступил...», «Хорошее разнообразие вносит...», «Варсиев и Ханларова уж совсем хороши» — вот это уж совсем плохо.

В заключение своей рецензии Лучинецкий пишет: «...хорошее начало в работе нашего цирка заслуживает всяческой похвалы», чего, к сожалению, не скажешь о рецензии.

ЧЕГО ТОЛЬКО, УВЫ, НЕ БЫВАЕТ...

Заведующий банями в городе Марксе тов. Белевский благополучно перенёс опасную болезнь. Он так описал это радостное событие в газете «Красное знамя»:

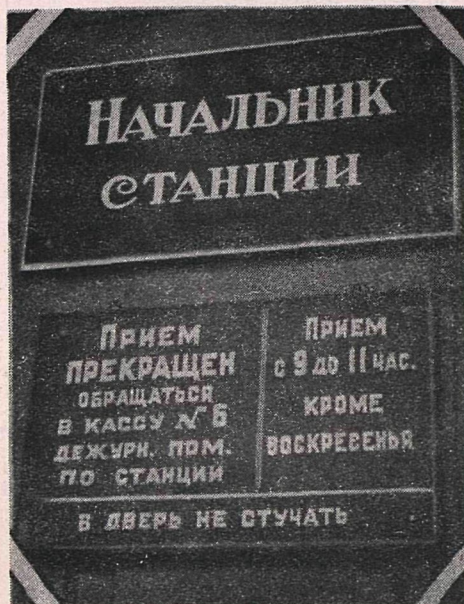
«Будучи в бессознательном состоянии, пульс не прощупывался и ноги до бёдер стали холодными и синими, наступала смерть. Но, увы! Прекрасное знание врачами своего дела, наличие нужных медикаментов, умение вести курс лечения вернули меня к жизни».

От души поздравляем тов. Белевского с благополучным возвращением на банное поприще. Но — увы! Редакцию «Красного знамени» мы не можем поздравить с её отношением к русскому языку. Увы!

Фото-витрина «КРОКОДИЛА»

ШИРОКАЯ НАТУРА

У начальника Ленинградской городской железнодорожной станции душа нараспашку. Гостеприимство его не поддаётся описанию, зато оно поддаётся фотографированию. Дверь кабинета начальника станции украшена такими выразительными табличками:

Как понимать рядом висящие таблички: «Приём с 9 до 11 час.» и «Приём прекращён»? Очень просто! Поскольку дверь кабинета заперта, значит, приём прекращён: стучите хоть до завтрашнего дня! А табличка насчёт того, что начальник даёт возможность лицемерить себя в течение двух часов, висит приличия ради. Пусть все знают, что начальник станции — не бюрократ!

БЛУЖДАЮЩИЙ НОС

Так называется занимательный и оригинальный аттракцион в Челябинском парке культуры и отдыха. Дирекция парка усиленно рекламирует этот аттракцион.

Дирекция сулит посетителям парка всякие блага: «Поставившему игроку на своё место нос даётся бесплатный талон на другой аттракцион».

Челябинцы спрашивают: кто поставит на своё место дирекцию парка культуры? Что же касается бесплатных талонов, то челябинцев этим не заманишь, — хватит с них и «блуждающего носа».

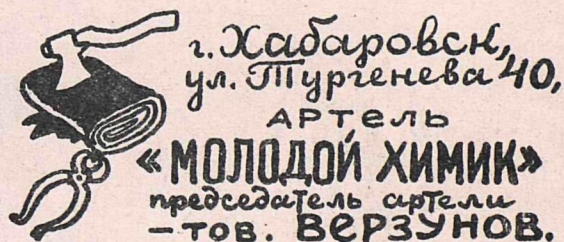
Благодарности за такую продукцию шлите по адресу:

СООБЩАЕМ А ДРЕСА

Выражаем сочувствие колхозникам Хабаровского края, которые по незнанию приобрели кровельный толь производства артели «Молодой химик». Эта артель, как явствует из её названия, хоть и молодая, но вполне опытная по выпуску брака.

Попробуйте раскатать рулон толя «Молодого химика». Заранее предупреждаем: ничего из этой затеи не выйдет. Его можно только оторвать небольшими кусками, которые вряд ли на что-нибудь могут быть пригодны. Если же счастливцу удастся раскатать толь и покрыть свою крышу, пусть не радуется: через несколько дней с толя обильно потечёт смола, и крышу придётся вновь ремонтировать.

Нет больше седых! Каждый, кто пожелает выкрасить свои волосы в стойкий чёрный цвет, покупайте кепи артели «Прогресс». Способ употребления прост: наденьте кепи на голову и попадите под дождь хотя бы на три минуты. С кепи вам на голову потечёт густая чёрная краска, которая придаст волосам желаемый оттенок. Такие кепи-красители можно заказать почтой или лично по адресу:

НЕПРИМЕНИМЫЕ МЕРЫ

Гражданка А. И. Арутюнова, проживающая со своим малолетним сыном в Тбилиси, прислала Крокодилу редкостную коллекцию исходящих бумаг. К коллекции приложено небольшое пояснение:

«Вот уже около года тянется моя переписка с львовскими судебными инстанциями о взыскании алиментов с моего бывшего мужа, а результатов нет. Львовский суд аккуратно высылает мне копии своих отношений — и только».

Правда, нам присланы не все исходящие, а лишь с полкило. Но ценность коллекции от этого не уменьшается. Все бумаги достопримечательны, все они строго выдержаны в изысканно-бюрократическом стиле. Под ними красуются подписи и помощника прокурора города Львова Селезнева, и нарсудьи Волошиной, и прокурора Радченко, и заместителя начальника Управления Министерства юстиции по Львовской области, и других почтенных блюстителей закона и правосудия.

И почти в каждой бумажке обозначено, что она направляется в суд или в прокуратуру «для принятия мер».

Не сказано только, о каких именно мерах идёт речь. Может быть, это меры веса исходящих бумаг? Или меры длины канцелярской волюкиты?

НАКАЗАННОЕ ЛЮБОПЫТСТВО

И дернула же нелёгкая старшего ветеринарного врача Ново-Каменского совхоза (Ровенский район, Саратовской области) тов. Верьянкова обратиться в Министерство мясной и молочной промышленности за консультацией! Его интересовал вопрос, нужно ли взимать плату с рабочих и служащих за справки о благополучии местности по заразным заболеваниям животных. Вот и попытался нанятый ветврач за своё любопытство.

Прочитали его запрос в министерстве и, но долго думая, бухнули ответ. И не одному Верьянкову, а заодно и районному прокурору:

«Прокурору Ровенского района.

Копия гр-ну Верьянкову.

Министерство мясной и молочной промышленности Союза ССР направляет на ваше рассмотрение письмо гр-на Верьянкова о незаконных действиях старшего ветврача (фамилия неизвестно) по взиманию платы с рабочих и служащих совхоза за выдаваемые им справки о благополучии местности от заразных заболеваний скота.

Юрисконсульт Поликарпов».

Рассмотрел эту бумажку районный прокурор — и направил её в Крокодил. И правильно сделал!

ЭКСПЕРИМЕНТ тов. КИЯНОВА

Почему-то принято требовать от вновь назначенного работника, чтобы он немедленно приступал к исполнению своих обязанностей. А может, вновь назначенный ещё должен набраться свежих сил? Может, он не настроен сразу браться за работу?

На железной дороге, где начальником службы тов. Киянов, решили сломать старый порядок. И когда возникла мысль о постройке депо, тов. Киянов назначил туда начальником будущего депо тов. Гайлита задолго до окончания строительства. И не только прислал, но и создал ему прекрасные материально-бытовые условия.

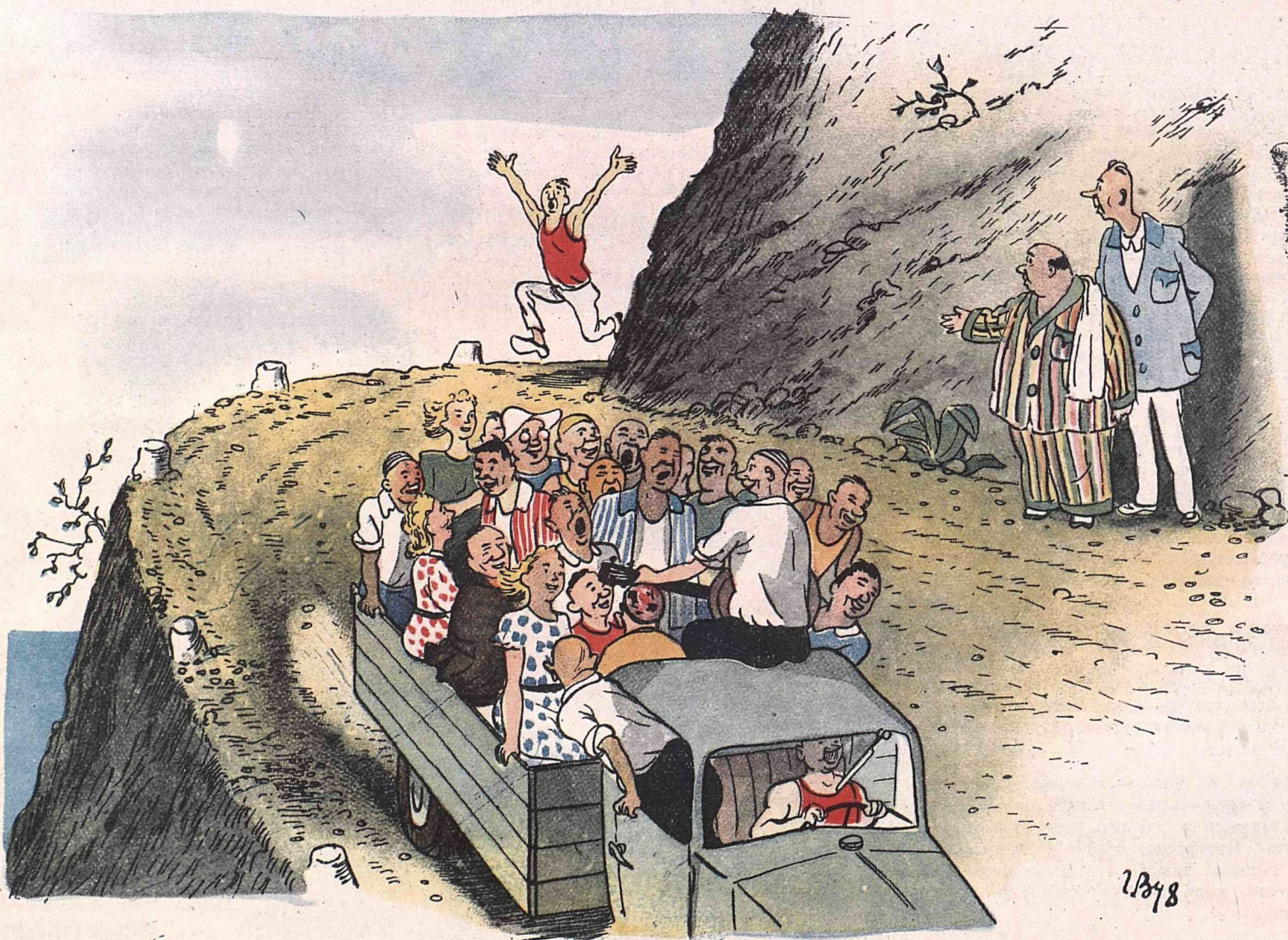
Каковы эти условия? Как пишет нам тов. В. Шулятьев, Гайлит приходит регулярно на стройку не реже одного раза в два месяца. Следовательно, он застрахован от усталости.

Гайлит аккуратно получает 1600 рублей в месяц. Ему к тому же предоставлены путёвка в Крым и двухмесячный отпуск. Следовательно, если он даже устал от частых посещений стройки, курорт полностью восстановит его силы.

Эксперимент тов. Киянова положительно повлиял на общее состояние тов. Гайлита. К сожалению, этого нельзя сказать о финансовом состоянии строительства.

НЕЧАЯННАЯ РАДОСТЬ

Рис. Г. ВАЛЬКА

— Смотри, как веселятся на массовке!
— Это они случаем пользуются: от них затейник отстал.

Спасательная станция на Оби, в Новосибирске, работает только с 9 часов утра до 6 часов вечера с часовым перерывом на обед. В воскресенье станция закрыта.

— Продержись, дяденька, ещё минут двадцать! Кончится обеденный перерыв — спасут.

Дорогой Крокодил

ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ

Товарищ Крокодил!

Пассажиры, имевшие счастье ехать в вагонах, отремонтированных заводом имени 1905 года, надолго сохранят в своей памяти эту удивительную поездку.

Вентилятор в вагоне устроен так, что в дождь одновременно исполняет обязанности душа. Отопительная система зимой заменяет ледник. Багажные сетки держатся на честном слове, и падающие чемоданы оставляют пассажиру на память разнообразные синяки и ушибы. В самых неожиданных местах торчат гвозди, которые придают причудливый вид одежде пассажира.

Кого должны благодарить пассажиры за эти дорожные развлечения? В первую очередь, конечно, начальника производственно-технического отдела завода тов. Кавалерчика. Отзывы и пожелания на его имя можно направлять прямо на завод.

Москва.

В. ИРБЕНИК

Уважаемый Крокодил!

Прости, пожалуйста, за плохой почерк: очень волнуюсь. Легко ли? На том свете побывал! Не подумай, что меня, моряка, погубили буря или ураган. Нет! Убил меня человек, вооружённый только мирным телеграфным аппаратом.

Отправляясь в плавание, я послал из Ленинграда (почтовое отделение № 195) в город Хашури, Грузинской ССР, телеграмму матери: «Я убыл в море Вахтанг».

Но кто-то из работников связи счёл мою телеграмму слишком будничной, скучной и не поленился «усилить» её. Матери моей был вручён бланк, на котором значилось: «Убит в море Вахтанг».

Бедная женщина потеряла сознание при таком известии. Один я остался у неё из шестерых детей — и вдруг... Узнай, пожалуйста, кто это расправился с моей матерью так беспощадно? Ведь так, кроме шуток, можно убить человека!

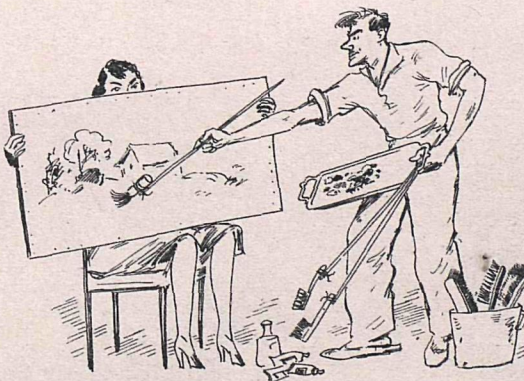
Ленинград.

Вахтанг БОЛОКАДЗЕ

Дорогой Крокодил!

Сообщаю тебе факт, достойный кисти художника: художник сидит без кисти! В Тбилиси негде купить ни кисти, ни мольберта, ни палитры. У нас их никто не заготавливает и никто не заботится о том, чтобы завезти их из других городов.

Вот я и придумал, как выйти из создавшегося положения. Смотри мой рисунок:

Буду счастлив, если ты за это рационализаторское предложение премируешь меня кистью и палитрой.

Давид НАЦВЛИШВИЛИ (Дони),
художник журнала «Нианги»

Тбилиси

Товарищ Крокодил!

Если ты нуждаешься в отдыхе и решил поехать на курорт, даю тебе дружеский совет: постарайся миновать Всесоюзную курортную контору, что расположена в доме № 4 по проезду Владимирова.

Этому почтенному учреждению, ведающему распределением путёвок на все курорты Союза, предоставлено помещение, сильно смахивающее на курятник.

Здоровый человек, явившийся сюда, скажем, за путёвкой для жены, потолкавшись во всех очередях, ни на минуту не присев (стула негде поставить!), приобретает заодно путёвку и для себя, так как к концу дня он уже сам испытывает острую потребность в санаторном лечении.

Помнится, несколько лет назад Всесоюзная курортная контора располагала отличным помещением. Однако по воле Министерства здравоохранения СССР там разместились швейная мастерская и склад.

Дорогой Крокодил, разясни, пожалуйста, товарищам из Министерства здравоохранения, что курортная контора нуждается в хорошем помещении, а десятки тысяч людей не нуждаются в уютных предкурортных процедурах.

Москва.

В. КАЛМЫКОВ

КРОКОДИЛ ПОМОГ

* В № 21 Крокодила опубликован фельетон «На кислых водах» о непорядках на Кисловодском курорте. Как сообщает нам секретарь Кисловодского горкома ВКП(б) тов. Попков, приняты меры к устранению отмеченных в фельетоне недостатков. Движение транспорта в лечебном парке запрещено. Варка асфальта из курортной зоны вынесена в отдалённые места. Чтобы уменьшить задымлённость города, решено перейти с жидкого топлива на твёрдое. Директору филармонии предложено пересмотреть программу постановок и улучшить их идейно-политическое содержание.

Редактор — Г. РЫКЛИН. Редакционная коллегия: Д. ЗАСЛАВСКИЙ, В. КАТАЕВ, КУКРЫНИКОВЫ (М. КУПРИЯНОВ, П. КРЫЛОВ, Н. СОКОЛОВ), С. ШВЕЦОВ.

Адрес ред.: Москва, 40, Ленинградское шоссе, ул. «Правды», 24, тел. Д 3-32-50, Д 3-33-47. Приём ежедневно с 1 до 5 час. Подписная цена на журнал — 3 руб. 20 коп. в месяц.

Изд-во «Правда»

Москва. Изд. № 636.

Подп. к печати 24/VIII 1948 г.

Статформат 72×105 см. Печ. л. 1 1/2.

Кол. зн. в 1 печ. л. 78.000.

А — 06620.

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

Тираж 150 000 экз.

Заказ № 1940

50

Рис. И. СЕМЕНОВА

4 СЕН 1949

Всесоюзная
Народная палата
Общ. экз.
1949 г.

76 26 руб

Урожай: — Спасибо, товарищи! Вы хорошо поработали на меня, а я вас за это в знатные люди выведу.